

Болезнь болезнью, а государственные дела сами себя не решат. У ложа Девятитысячелетнего, едва слышно шурша бумагой, стоял юный евнух и вполголоса зачитывал доклады. Линь Ле Тянь полулежал, прикрыв глаза; если он едва заметно кивал, слуга обмакивал киноварную кисть и рисовал на свитке круг. Те же меморандумы, что не удаивались кивка, откладывались в сторону — их решение ждало своего часа.

— Наместник двух Гуанов, Ху Цидао, бьёт челом: нынешняя весна выдалась на редкость дождливой, уровень озёр поднялся, затопив земли на сотни ли вокруг. Тысячи крестьянских хижин смыты потоками. Он нижайше просит престол проявить милосердие и освободить два Гуана от налогов на три года, дабы дать народу передышку.

Хань Ци, только что вернувшийся после перевязки, молча застыл в стороне, слушая чтение.

«Оскоплённые твари губят государство» — в голове его снова и снова, точно горькая молитва, всплывала эта мысль.

— Хех, — Линь Ле Тянь, до того хранивший молчание, издал короткий, ледяной смешок. — Этот пёс Ху Цидао... Редкостная бездарность. Мало того что глуп, так ещё и ворует без зазрения совести, обманывая престол и обдирая народ. Передай мой приказ Восточной Ограде: немедленно отправиться в два Гуана и доставить мне голову Ху Цидао.

— Слушаюсь, — евнух поспешно свернул доклады и семенящим шагом вышел вон.

Проходя мимо Хань Ци, он едва заметно кивнул, но тот даже не шелохнулся. В уме офицер уже лихорадочно выстраивал план, как спасти Ху Цидао.

Ле Тянь открыл глаза и покосился на застывшего мужчину.

— Ты что, бревно? Живо подошёл сюда.

Мускулы на лице Хань Ци едва заметно дрогнули. Подавив всплеск чувств, он шагнул вперёд.

— Каковы будут наказания Вашего Тысячелетия?

— Покажи руку.

Ложбинка между пальцами была туго замотана грубым полотном. Ткань пожелтела от мазей, но свежей крови не было видно.

«Лицо — загляденье, точёное, а вот рука — тяжёлая»

— Всё ещё болит? — равнодушно обронил Ле Тянь.

— Нет.

— Когда Его Величество проснётся, будешь сопровождать его на занятиях науками. После полуденной трапезы приступите к воинским упражнениям.

— Слушаюсь.

Юноша смерил Хань Ци оценивающим взглядом, вспоминая вчерашние страдания.

— Хань Ци, в этот раз я сохранил тебе жизнь. Надеюсь, ты понимаешь, как должен за это отплатить.

— Подчинённый понимает. Благодарю Ваше Тысячелетие за великое милосердие.

В спальню вновь бесшумно проскользнул слуга.

— Ваше Тысячелетие, Его Величество изволили проснуться.

— Ступай, — Ле Тянь подал знак Хань Ци.

Тот невольно выдохнул с облегчением — наконец-то он мог покинуть это место.

Стоило Цзун Яню открыть глаза и не обнаружить подле себя Линь Ле Тяня, как он предсказуемо впал в ярость. Чжу Чучу, следуя наставлениям временщика, поспешила объяснить, что Девятитысячелетний простудился на ночном ветру, у него разболелась голова, и он был вынужден вернуться в свои покои для отдыха.

Император, с разметавшимися волосами и в распахнутом нижнем халате, походил на маленького безумца. Он в сильном волнении мерил комнату шагами, шлёпая босыми ногами по холодному полу.

— Я иду к нему!

Чучу семенила следом, держа в руках его обувь.

— Ваше Величество, молю, наденьте сапоги! Вы простудитесь, и Ваше Тысячелетие будет места себе не находить от беспокойства.

Она прислуживала недолго, но уже твёрдо усвоила: ахиллесова пята Цзун Яня — это Малыш Линь. Юный монарх мгновенно замер и выхватил сапоги из рук девушки.

— Я сам надену.

— Ваше Величество, сотник Цзиньивэй Хань Ци просит аудиенции.

Натягивая обувь, Цзун Янь недовольно буркнул:

— Не желаю никого видеть.

— Государь, вы забыли, что обещали вчера Девятитысячелетнему? — напомнила Чжу Чучу.

В ответ император наградил её свирепым взглядом, отчего девушка обиженно закусил губу и съёжилась.

«Характер у Его Величества прескверный. Ему и в сотой доле не достало нежности нашего Тысячелетия»

— Видеть, видеть! Ладно, пусть заходит! — в сердцах выкрикнул Цзун Янь.

Хань Ци наконец оказался лицом к лицу со своим младшим братом. Сердце сжалось от невыносимой горечи — встретиться, но не иметь возможности назваться.

— Подданный приветствует Ваше Величество, — глухо произнёс он.

Цзун Янь даже не удостоил его взглядом. Он сидел на ложе, позволяя Чучу затягивать пояс, и продолжал ворчать:

— Малыш Линь слишком слаб здоровьем. А эти рабы из Императорской медицинской академии — сплошь бесполезные твари. Всех бы казнить, и дело с концом.

Офицер слушал, как государь в каждом слове выказывает заботу об этом евнухе, и лицо его становилось всё мрачнее.

Приведя одежду в порядок, монарх всё же соизволил обратить внимание на пришедшего. Он стоял на одном колене; в поле зрения Хань Ци покачивались носки изящных сапог с обвитыми драконами — Цзун Янь нетерпеливо постукивал ими по полу, выдавая свой детский нрав.

— Раз уж Малыш Линь велел тебе учить меня, так учи, — проговорил император, заложив руки за спину. — Но помни: если будешь плохо стараться, я прикажу отрубить тебе голову.

«Этот кастрат воспитал Цзун Яня так, что у того на языке одни лишь казни. Где здесь облик мудрого правителя?!»

Душа Хань Ци полыхала от гнева и боли за брата.

— Слушаюсь, — выдавил он из себя, с трудом сохраняя спокойствие.

Вскоре прибыл академик Ян Цяньи. Пока государь завтракал, Ян Цяньи и Хань Ци беседовали у дверей. Учёный происходил из знатного рода и за долгую жизнь успел приобрести ту особую мягкость нрава, которая не позволяла ему судить людей по их положению. Он без тени неприязни, с доброй улыбкой расспрашивал собеседника о делах. Офицер же был немногословен и лишь вежливо кивал в ответ.

Занятия начались только к десяти часам утра. Ян Цяньи, хорошо понимавший правила этой игры, перед началом урока упомянул:

— Ваше Величество, Девятитысячелетний просил меня ежедневно докладывать ему о ваших успехах.

Цзун Янь, собиравшийся было провалить дурака, мгновенно сдулся.

— ...

— Ваше Величество, не стоит подводить Его Тысячелетие, ведь он так пекётся о вашем благе, — с невинной улыбкой добавил академик.

«Этот старик — сущий дьявол» — подумал император.

Пока Ян Цяньи читал лекцию, Хань Ци исполнял роль сопровождающего, а Чжу Чучу прислуживала рядом, вслушиваясь в слова наставника куда внимательнее самого государя.

Шпионящий евнух тут же со всех ног бросился к Линь Ле Тяню с докладом. Ле Тянь, продолжая с тоской выслушивать скучные отчёты, внезапно прервал чтеца:

— Пусть Чучу учится вместе с ними.

Маленький евнух не сразу сообразил, что к чему. Вытаращив глаза, он округлил рот и издал звонкое:

— А-а?

Ле Тянь вскинул взгляд, его длинные ресницы медленно дрогнули. Слуга тут же побледнел от страха.

— Да, всё исполню! Бегу доложить! — и он, едва касаясь земли ногами, вылетел из покоев.

«Раз учатся мальчики, — провозгласил Ле Тянь в беседе с Системой, преисполнившись благородного пафоса, — значит, должны учиться и девочки! Мы будем неукоснительно соблюдать принцип равенства полов!»

[Можно подумать, ты её сам родил...]

Когда утренние занятия подошли к концу, Цзун Янь выглядел так, словно из него выкачали все силы. Ян Цяньи, всё так же лучезарно улыбаясь, оставил задание на дом. Спеси у императора заметно поубавилось, её сменила опаска; он даже начал немного заикаться:

— И... и это всё нужно сдать завтра?

— Разумеется, Ваше Величество. Я верю, что при вашем выдающемся уме написать одно рассуждение для вас — сущий пустяк.

Цзун Яню нечего было возразить — он и сам считал себя необычайно одарённым, поэтому лишь с глубоким унынием кивнул.

Чжу Чучу шепнула ему:

— Ваше Величество, не извольте беспокоиться, я вам помогу.

Император лишь фыркнул. Если даже ему, гению, задание показалось трудным, то что взять с этой нескладной девчонки?

— Глупая хрюшка.

— Я иду к Малышу Линю! — Цзун Янь, терзаемый беспокойством всё утро, больше не мог сдерживаться и велел слугам накрыть обед прямо в маленьком дворике Линь Ле Тяня.

Хань Ци пришлось выступить вперёд и преградить ему путь:

— Лекарь сказал, что Девятитысячелетнему сегодня необходим покой. Он не вынесет никакого шума.

Такая ложь едва ли обманула бы взрослого, но ребёнок тут же заколебался.

— Это правда? — серьёзно спросил он Хань Ци.

— Чистейшая правда. Если Ваше Величество сомневается, можете спросить судью-лекаря Чжана.

Цзун Янь поник головой.

— Всё по моей вине... Если бы Малыш Линь не спас меня тогда, он не был бы сейчас таким слабым.

Во дворце все знали историю об «отважном спасении», особенно Чжу Чучу. Ле Тянь, решив сделать её своей фавориткой, велел день и ночь внушать девушке мысли о своём совершенстве.

— Девятитысячелетний и впрямь слишком сильно любит Ваше Величество, — произнесла Чучу, и в глазах её заблестели слёзы.

— Верно, — подтвердил Цзун Янь. — Во всём подлунном мире не найти второго человека, чьё сердце было бы столь же предано мне, как сердце Малыша Линя.

Оба ребёнка наконец пришли к согласию. Император, забыв недавние обиды, взял Чучу за руку.

— Идём, пообедаешь со мной. Навестим его, когда Малышу Линю станет получше.

Чжу Чучу кивнула. Сегодняшний день в очередной раз заставил её прослезиться от величия чувств между государем и его преданным слугой.

Стоящий рядом Хань Ци ощутил, как пламя гнева в его груди вспыхнуло с новой, неистовой силой.

В этот момент маленький евнух подал Хань Ци тайный знак. Тот прислал за ним: пришло время менять повязки Линь Ле Тяню.

Передав весть, слуга с удивлением заметил, как этот вечно холодный и угрюмый офицер вдруг улыбнулся. Улыбка была удивительно тёплой и красивой.

— Чего ты ждёшь? — мягко проговорил Хань Ци. — Веди.

<http://bllate.org/book/15325/1412925>